

— В Калининград я вернулся как раз к зачётной сессии в университете. В своих группах я принимал зачёты по результатам контрольных работ, ориентируясь ещё и на свои столбики плюсов и минусов. Зачёт получили все, даже слабоватых я особенно не мурыжил. Явных разгильдяев среди них не было, а впереди ещё предстояли экзамены, где и проходила основная проверка знаний.

— За зачётной сессией пришла июньская экзаменационная. Разгоралось лето, а бедные студенты пыхтели по читальным залам и готовились к экзаменам, пытаясь в срочном порядке наверстать упущенное за полгода, прилежно ходили на консультации, где, правда, интересовались больше всего одним: какие вопросы в билетах?

— По гострёмовским курсам экзамены принимали Соколова, Виталик, я и сам Гострем, разбиваясь попарно на каждую группу. Гострем подолгу на экзаменах не сидел: появится, опросит одного и убежит, и так несколько раз проциркулирует в течение дня, остальные не разгибались весь день. Начинались экзамены в 9 утра, а последние мученики выползали из аудитории где-нибудь около шести вечера, так что в Ладушкин я приезжал совсем поздно и обессиленный валился спать. С непривычки уставал я очень.

— С отличниками было легко, они шли первыми и долго не задерживались. Трудно было со старательными середняками. Их старательность подкупала, а неподдельное волнение до пота и красных пятен на щеках вызывало у меня искреннее сочувствие. С такими экзамен я превращал в лекцию, стараясь как можно больше втолковать бедолаге хотя бы в этот завершающий момент изучения курса. Если я чувствовал, что мои усилия не напрасны, и мученик действительно что-то понял, то и отпускал его с богом с оценкой "удовлетворительно" или даже "хорошо" в зависимости от проявленной степени понимания.

— Вообще я боялся несправедливо занижить оценку и всячески выискивал наличие знаний у отвечающего, относя его неуверенность к случайным или психологическим факторам. От того-то допросы и затягивались, обессиливая и отвечающего, и спрашивающего. Зато совесть моя была чиста - никто не получил меньше заслуженного. Двойки я ставил с тяжёлым сердцем и только в исключительно безнадёжных случаях; к счастью, их было очень мало. Хорошим же отметкам я радовался, быть может, не меньше их получавших. Отвечать ко мне шли охотнее, чем к кому-либо другому (особенно боялись Гострема и из-за его суровой манеры держать себя карающим судьей, и из-за того, что часто невозможно было понять, что он спрашивает, и из-за его отнюдь не бодрящих шуточек), мне это льстило, да и я был искренне доброжелателен к студентам, а они это чувствовали.

— В июне же мы с Б.Е. обменивались по почте вариантами текста статьи для японского журнала, окончательное оформление и отправку за границу взял на себя Б.Е. В июле я руководил производственной практикой студентов, окончивших третий курс и распределённых на кафедру Гострема по специальности "радиофизика". Практику они проходили у нас в обсерватории, помогая (или, скорее, мешая) лаборантам, но больше играли в волейбол, купались и рыбачили в заливе.

— Отпуск мне в этот год не полагался, нужно было отработать 11 месяцев со дня поступления на работу, так что всё лето предстояло провести в Ладушкине. Сашуля брала отпуск в конце апреля, отвозила Иринку в Крым, где провела с ней майские праздники. В это время года она была здесь впервые, и весенний цветущий Крым произвёл на неё новое яркое впечатление, особенно маки, красными пятнами раскиданные по склонам холмов. Мама моя уже второй год совершенно самостоятельно водила машину ("Москвич"-408 с весёлым номером КРЯ-66-09) и с удовольствием возила гостей по Крыму.

Мама с Иринкой (или Андрюшкой?) и тётёй Люсей

— На весь май Иринка осталась в Севастополе. Когда мама моя ездила в Ленинград на мою защиту, Иринку опекали дед Андрей и тётка Милочка - первокурсница Севастопольского приборостроительного института. В начале июня Милочка, досрочно сдав сессию, прилетела в Калининград повидаться со школьными друзьями - её всё ещё тянуло в город своего детства, и привезла с собой Иринку. Поскольку мы с Сашулей оба теперь работали, Иринку надо было куда-то пристроить до приезда Сашенькиных родителей, которые собирались в гости к нам на июль месяц. Раньше Сашенькина мама не могла приехать из-за занятий в школе.

— Пришлось отдать Иринку на месяц в детский сад, благо в Ладушкине это не было проблемой. Эпизодически мы прибегали к услугам местных детских заведений, отдавали Иринку и в ясли, и в детсад, и в Ладушкинский детский санаторий, где главврачом был Гена Бирюков, а заведующей его жена Майечка, к этому времени ставшие нашими близкими друзьями. Иринка радости от этого никакой не испытывала. Будучи домашним ребёнком, она очень скучала по родителям и в 3-х-4-хлетнем возрасте каждый раз плакала, расставаясь с нами, особенно горько, когда, навестив её в санатории, мы собирались уходить.

Но что же было делать? Извечная дурацкая проблема работающих жён, считающих, что обществу они приносят больше пользы, отбывая положенный срок на службе, чем собственноручно воспитывая своего ребёнка. До школьного возраста Иринку больше воспитывали бабушки и прабабушка, чем Сашуля, а обо мне уж и говорить не приходится. Обе бабушки и прабабушка были прекрасными воспитателями, да вот жили в разных краях: Владимир, Крым, Алтай. Спасибо бабе Фене, зимовавшей у нас в те годы с ноября по апрель, а в остальные месяцы Иринка циркулировала между Ладушкиным, Тейковым или Владимиром и Севастополем. "Лягушка-путешественница" - называла её моя мама. А ведь у бабушек и своих забот хватало - одна работала, другая разрывалась между тремя детьми, жившими в разных городах, да ещё беда с внуком Андрюшкой, у бабы Фени душа болела за сестру, бабу Дусю, остававшуюся в одиночестве зимовать на Алтае, часто болеющую.

Но и с этими трудностями такой вариант воспитания нашей дочери был, конечно,

лучше ясельного и детсадовского. Не говоря уже о непрерывных болезнях, особенно простудах, которыми извечно страдают маленькие воспитанники государственных детских заведений, они и воспитываются-то там в основном путём взаимного обмена опытом, почерпнутым в семьях, и тут уж всё зависит от того, из каких семей дети преобладают. Помню, как в первый мой приезд в Ладушкин Стасик Тихомиров с некоторым даже восхищением рассказывал: "Мой Илюшка (тогда ему было года четыре) первым делом научился в садике матом ругаться".

—Многое, конечно, и от воспитателей зависит, да где их взять, чтобы были и культурными, и детей любили, и согласны на мизерную зарплату были, и где им воспитать такую ораву - уследить хотя бы за ними, чтобы головы друг другу не порасшибали, чтоб куда не залезли, не свалились, не удрали и так далее.

—Иринке всё же пришлось перед школой целый год почти в садик походить (баба Феня тогда не смогла приехать); попривыкла и стало ей в садике нравиться, а детские праздники, проводившиеся там, были, действительно, праздниками для неё.

—В июле приехали Сашенькины родители: деда Коля и баба Тоня, как их называла Иринка. Я тещу называл мамой. Как-то ещё в первые годы нашей с Сашулей семейной жизни, бабушка Феня слышала, как я называю тещу Антониной Дмитриевной, и неодобрительно удивилась: "Что ж ты Тоню мамой не называешь? У нас так не принято. Разве она тебе не как мать родная?" Мать есть мать, и её никто не заменит, но я послушался и стал называть тещу мамой, хотя поначалу было как-то трудно так обращаться к ней, но не хотелось огорчать бабушку Феню, да и теще, чувствовалось, это было приятно. Потом же и вовсе привык, и это обращение стало для меня совершенно естественным, тем более, что относилась ко мне теща как к сыну. А Сашуля мою маму сразу стала называть мамочкой, у них всегда был полный контакт, мама моя любила невестку не меньше своих дочерей. К тестю же я обращался по имени-отчеству: Николай Степанович, лишь много позже стал звать его папой.

—Баба Тоня любила гулять с Иринкой в лесу, в жаркие дни ходила с ней на залив. Николай Степанович попивал пиво, но не забывал и о рыбалках - на заливе, на Прохладной, на Ладушкинском пруду. По вечерам и в выходные дни к нему присоединялся и я. Мой традиционный напарник Виталик Чмырёв на всё лето уехал с Наташей отдыхать на юга к своим и её родным. Осенью он надеялся перебраться в ИЗМИРАН. Гострем уговаривал Виталика перейти к нему в аспирантуру, сулил доцентские перспективы, квартиру в Калининграде. Виталик поначалу было заколебался, но... Калининград всё же захолустье, а ИЗМИРАН - почти Москва, да и с наукой у Гострема неясно было, и Виталик стал пробивать себе жильё в ИЗМИРАНе, поначалу хотя бы в аспирантском общежитии. Это ему удалось в конце концов, и они с Наташей уехали из Ладушкина.

([продолжение следует](#))